

ОТДЕЛ II

РУССКАЯ ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ

РУССКИЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ ДУХОВНЫЕ СЕМИНАРИИ В ПЕРИОД ОТ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДО ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Георгий Евгеньевич Колыванов

кандидат богословия
доцент кафедры церковной истории
Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
Georg-serov@mail.ru

Для цитирования: *Колыванов Г. Е.* Русские православные духовные семинарии в период от начала Первой мировой войны до Февральской революции // Церковный историк. 2019. Т. 2. № 2. С. 20–46.

Аннотация

В статье рассматривается история православных духовных семинарий в России в сложный для них период — от начала Первой мировой войны до Февральской революции. В эти годы происходит эвакуация духовных учебных заведений с Запада России и Кавказа в тыл. Нормальное течение жизни в духовных семинариях нарушается также изъятием многих принадлежащих им зданий для размещения госпиталей и для других военных нужд. Вместе с тем в духовных семинариях наблюдается подъём патриотического духа. Воспитанники семинарий, ушедшие добровольцами в армию, совершают подвиги на полях сражений. В эти годы принимаются также новые учебные программы для духовных семинарий и даже открываются новые семинарии.

Ключевые слова: духовные семинарии, Первая мировая война, Святейший Синод, учебные программы духовных семинарий, пастырско-миссионерская семинария.

Летом 1914 г. мирное течение жизни в Европе было прервано внезапно разразившейся войной, получившей впоследствии наименование Первой мировой. Главным инициатором войны стала Германия, стремившаяся к мировому преобладанию. Непосредственным поводом к войне явилось убийство в городе Сараево сербским националистом, австро-венгерским подданным Гавриилом Принципом наследника престола Австро-Венгерской империи эрцгерцога Франца-Фердинанда. Сараево, как и вся Босния, входили в это время в состав Австро-Венгрии. Вскоре Австро-Венгрия, ссылаясь на данные следствия, объявила, что члены террористической организации, организовавшей убийство, проникли с оружием из Сербии, где прошли специальную подготовку. Австро-Венгрия обвинила Сербию в покровительстве убийцам и предъявила ей ультиматум. Сербия лишь частично приняла условия австрийского ультиматума. Австро-Венгрия 15 июля (по старому стилю) 1914 г. объявила Сербии войну. Германия, желавшая большой войны и ожидавшая, что Россия выступит на защиту Сербии, начала проводить тайную мобилизацию и сосредотачивать войска на границах. Россия в ответ на это объявила о проведении у себя мобилизации, которую Германия потребовала прекратить, а после отказа России объявила 19 июля (по старому стилю) войну ей, а через два дня и союзной ей Франции.

20 июля в Николаевском зале Зимнего дворца в Петербурге, в присутствии представителей армии, флота и высшего столичного духовенства был прочитан Высочайший Манифест о войне с Германией. После отслуженного затем молебна о даровании победы Император Николай II обратился к собравшимся с речью, в которой были произнесены знаменитые слова: «Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдёт с земли нашей...»¹. Россия вступила в тяжёлую войну, закончившуюся для неё революцией, междоусобным кровопролитием, крахом традиционной системы государственности и жизненных устоев. Вскоре война приобрела мировой масштаб. В России войну стали воспринимать как вторую Отечественную или Великую Отечественную. Эти наименования уступили после революции место названиям Империалистическая и Германская.

Война с самого начала неизбежно должна была отразиться на разных сторонах государственной, общественной и церковной жизни, в том числе, конечно, и на жизни духовных учебных заведений. Ввиду получаемых в связи с этим запросов от их руководителей, Святейший

1 Рункевич С. Г. Великая Отечественная Война и Церковная жизнь. Кн. 1. Пг., 1916. С. 11.

Синод уже 31 июля 1914 г. издал Определение, в котором, признавая «весьма нежелательным без особой нужды нарушать правильное течение учебной жизни», определил: «Начать занятия во всех духовно-учебных заведениях в определённое Уставами сих учебных заведений время; в местностях же, находящихся в районе военных действий, учебные занятия начинать только по сношении с военным начальством»².

Вскоре стало ясно, что поддержать нормальный ритм жизни не удаётся даже в духовных учебных заведениях, находящихся в глубоком тылу: в одних местах здания были заняты только что призванными новобранцами, в других — проходившими на фронт войсками, в третьих разместились госпитали. Кроме того, нарушение обычного режима действия путей сообщения и начавшаяся эвакуация части населения западных губерний препятствовали своевременному сбору учащихся после летних каникул. Поэтому Святейший Синод был вынужден разрешить некоторым духовным учебным заведениям отсрочить начало нового учебного года. Церковное начальство заботила также судьба учащихся, вынужденных по военным обстоятельствам эвакуироваться из западных губерний во внутреннюю Россию. Некоторые из этих учащихся стали обращаться к администрации духовных учебных заведений по своему новому месту жительства с просьбами о предоставлении им возможности продолжить образование. Поэтому Святейший Синод поручил епархиальным архиереям «предложить начальствам вверенных их попечению духовных учебных заведений принимать таковых учащихся из других епархий в соответствующие классы сверх комплекта, в соответствии с размерами училищных помещений»³.

Вскоре после начала 1914/1915 учебного года перед духовно-учебным начальством остро встала проблема нехватки учебных помещений и общежитий для учащихся по причине размещения во многих из них госпиталей и других объектов военного назначения. Так, по сведениям Учебного Комитета, в течение этого учебного года были заняты под военные нужды полностью или частично здания 28 духовных семинарий. Из них здания 18 семинарий были заняты полностью: Астраханской, Волынской, Екатеринославской, Калужской, Киевской, Кишиневской, Курской, Оренбургской, Орловской, Пермской, Псковской, Самарской, Ставропольской, Таврической, Тамбовской, Тверской, Черниговской и Уфимской⁴. В связи с этим Святейший Синод поручил епархиальным

2 Рункевич С. Г. Великая Отечественная Война и Церковная жизнь. С. 231.

3 Там же. С. 237-238.

4 Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода по Ведомству Православного исповедания за 1914 год. Пг., 1916. С. 84.

архиереям «принять все меры к продолжению учебных занятий в остающейся части помещений или в помещениях, принадлежащих духовенству, частным лицам или другим Ведомствам, причём вести учебные занятия не только в утренние или дневные, но и в вечерние часы, в две смены; воспитанникам, жившим ранее в общежитии, дозволить жить на частных квартирах, с выдачею стипендий на руки помесечно»⁵. Кроме того, Синод предписал Правлениям и Советам духовных школ выдать на руки тем учащимся, которые временно не могли, по обстоятельствам военного времени, продолжать образование в стенах духовных учебных заведений, книги и учебные пособия (или, по крайней мере, указать их названия) для самостоятельной подготовки, а также указать темы письменных работ и проповедей. В случае невозможности продолжать занятия в первое полугодие преподаватели обязывались заблаговременно выработать учебный план на второе полугодие так, чтобы программы были бы пройдены, насколько это возможно, полно⁶.

В марте 1915 г., в связи с приближением окончания учебного года, Святейший Синод определил, чтобы в тех учебных заведениях, где занятия проходили нормально, учебный год был окончен раньше обычного срока — уже к 1 мая. Экзамены в невыпускных классах отменялись. В тех учебных заведениях, в которых занятия шли с перерывами, сроки окончания учебного года было поручено определить Учебному Комитету, с непременным условием проведения экзаменов для тех учащихся, которые занимались самостоятельно.

Результаты этих экзаменов оказались в 1915 г. самыми плачевными. Поэтому в июле этого года Святейший Синод «предоставил обер-прокурору войти в сношение о том, чтобы при отводе для военных нужд зданий духовно-учебных заведений в том или ином городе были принимаемы во внимание и учебные нужды и были оставляемы здания некоторых духовно-учебных заведений или часть их свободными для учебных занятий. В случае же необходимости отвода всех помещений духовно-учебных заведений для военных нужд просить начальников губерний образовать под их председательством совещание из начальников учебных заведений в предстоящем учебном году, для распределения помещений в светских учебных заведениях для учебных занятий, хотя бы и вечерних, или же для найма частного помещения»⁷.

5 Рункевич С. Г. Великая Отечественная Война и Церковная жизнь. С. 239-240.

6 Там же. С. 240-241.

7 Там же. С. 244-245.

На заседании 18 августа 1915 г. Святейший Синод утвердил правила, которыми должны были руководствоваться начальства духовных учебных заведений в случае невозможности продолжать занятия. В таких случаях, согласно этому решению Синода, каждому из преподавателей поручалась какая-либо ответственная обязанность по организации внеклассных занятий учащихся. Были установлены три основных формы таких занятий. Первая форма — это периодические занятия преподавателей с группами воспитанников, особенно по таким предметам, усвоение которых без помощи наставника представляется затруднительным. Вторая форма — устройство репетиций по проверке домашних заданий учащихся, причём признавалось возможным поручать одному преподавателю репетиции по всем предметам с учащимися всех классов, проживающими в одном районе. Наконец, третья форма внеклассных занятий — краткосрочные порайонные курсы, которые должны быть организованы в пункте, удобном для сбора на некоторое время более или менее значительной группы учащихся. Местным епархиальным и духовно-учебным начальствам предоставлялось изыскать, по возможности, и другие формы организации внеклассных занятий. На том же заседании Святейший Синод определил: «Просить епархиальных Преосвященных принять со своей стороны все возможные меры к открытию учебных занятий в других местных помещениях путём соответствующих сношений с городскими и земскими управами, размещения учащихся в других городах своей или соседней епархии, помещения их в монастырях или в других зданиях Духовного Ведомства»⁸.

Надежды на приостановление в 1915/1916 учебном году вызванного войной постепенного развала системы духовного образования не оправдались. По причине неблагоприятного для русской армии развития боевых действий с началом этого учебного года не смогли начаться занятия в девяти духовных семинариях в западных епархиях и в семинарии в Тифлисе. Ввиду развития наступления германских и австро-венгерских войск 15 духовных учебных заведений было эвакуировано из районов, близких к линии фронта, в тыл, в том числе духовные семинарии: Витебская, Волынская, Литовская, Минская, Могилевская, Подольская, Рижская и Холмская. Правление Холмской семинарии переехало в Смоленск, а 15 августа 1915 г. — в Московский Богоявленский монастырь. 25 сентября в Холмской семинарии открылся новый учебный год. Занятия проходили в Московском Заиконоспасском

духовном училище и в Московской духовной семинарии. В 1915/1916 году в семинарии обучался 121 воспитанник⁹. Рижская семинария была первоначально эвакуирована в город Юрьев, где размещалась в здании Георгиевской церковно-приходской школы, а затем — в Нижний Новгород. В Нижнем Новгороде воспитанникам Рижской семинарии отвели помещения для жительства в Печерском монастыре. Волынская духовная семинария была, в составе трёх старших классов, переведена в город Купянск Харьковской епархии и помещена в здании местного духовного училища. Занятия в ней открылись 30 октября¹⁰. В это же время, по причине значительного увеличения количества раненых, всё большее число зданий духовных учебных заведений отводилось под госпитали. К концу октября 1915 г. для военных нужд были заняты уже 116 духовных учебных заведений, в том числе 32 духовных семинарии из 57¹¹. С трудом удавалось найти хоть какие-нибудь помещения для занятий. То, в каких условиях происходили порой занятия, можно проиллюстрировать на примере Орловской духовной семинарии. По сообщению «Орловских Епархиальных Ведомостей», семинария ютилась в трёх комнатах, оставленных ей на нижнем этаже. Занятия проходили даже в бывшей кладовой. Из-за отсутствия помещений и дороговизны занятия проходили поочередно с каждым классом и продолжались несколько месяцев¹².

Тяготы военного времени отразились и на качестве питания воспитанников. Во время войны в Олонецкой духовной семинарии, по данным ректора, протоиерея Николая Чукова (впоследствии митрополит Григорий Ленинградский), подавались:

«На обед в неделю — суп с мясом два раза, осетровые щи один раз, уха из сухой рыбы три раза и уха из свежей рыбы один раз. Это на первое блюдо. На второе: форшмак два раза, жареный картофель два раза, картофельные котлеты один раз и гречневая каша два раза. На ужин в неделю мы давали: горох три раза, суп с мясом один раз, винегрет и уху из сухой рыбы два раза, грибной суп и гречневую кашу по одному разу. ... Из сравнения стоимости продовольствия в одну из праздничных недель (масленицу) 1913 года с обыкновенной неделей 1917 года

9 Демьянович Н., *прот.* История православия на Холмщине: 1768-1917 гг. Т. 2. [Машинопись]. Чебоксары, 1970. С. 433.

10 Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1915. № 15. С. 1043.

11 Рункевич С. Г. Указ. соч. С. 248.

12 Чаркин М., *свящ.* Орловская епархия в 1818-1918 гг. [Машинопись]. Загорск, 1968. С. 245-246.

(511 рублей 24 копейки — первая, и 1189 рублей 23 копейки вторая) видно, что в 1917 году содержание стоило в два с лишком раза дороже при уменьшившемся количестве и ухудшившемся качестве питания. ... Правлению с трудом приходилось сводить концы с концами в финансовом отношении, а своекоштным воспитанникам пришлось даже уехать к родителям из-за дороговизны содержания и там заниматься учебными предметами в течение этого (1917) года»¹³.

На заседании 18 августа 1915 г. Святейший Синод утвердил правила, которыми надлежало руководствоваться при устройстве на новых местах эвакуированных духовных учебных заведений. Согласно этим правилам, предписывалось начальствам этих учебных заведений «немедленно входить в сношения с начальствами духовно-учебных заведений тех городов, куда они эвакуированы, по вопросу о том, возможно ли в зданиях сих заведений устроить учебные занятия для воспитанников эвакуированных духовно-учебных заведений»¹⁴. В случае невозможности организовать занятия учащихся эвакуированных учебных заведений разрешалось принимать в Духовные школы по новому месту жительства, даже сверх комплекта, причём разрешалось организовывать вторые смены и параллельные отделения. Преподаватели эвакуированных учебных заведений направлялись Учебным Комитетом для «временного исполнения обязанностей на вакантные в других духовно-учебных заведениях должности».¹⁵

В ноябре того же года епархиальные архиереи были уведомлены о том, что Министерство внутренних дел разослало циркулярные отношения губернаторам, градоначальникам и наказному атаману Войска Донского, в котором им было сообщено об учреждении на местах Комиссий для обсуждения вопросов о размещении военных медицинских учреждений. Комиссиям, между прочим, давалась такая директива: «К отводу учебных заведений под лазареты необходимо относиться с особой осторожностью, прибегая к этому лишь в случаях крайней необходимости и стремясь к тому, чтобы не вызвать прекращения учебных занятий, поэтому не следует допускать полного закрытия учебных заведений и для избежания сего надлежит прибегать к системе сдваивания, то есть использования одного помещения для занятий двух учебных заведений путём установления утренней и вечерней смен»¹⁶. Это указание касалось

13 Чукон Н. К., *прот.* Мои воспоминания. Ч. 4. Саратов, 1937. С. 30-31.

14 Рункевич С. Г. Указ. соч. С. 248.

15 Там же. С. 250-251.

16 Там же. С. 249-250.

одинаково как светских, так и духовных учебных заведений, однако по отношению к духовным школам оно сильно запоздало. Нормальный учебный процесс в большинстве из них был уже сильно нарушен, и восстановить его так и не удалось. По мнению С. Г. Рункевича, духовные учебные заведения в большей мере пострадали от обстоятельств, вызванных войной, чем светские. «Для светских учебных заведений, — указывает он, — передача их зданий для нужд войск не сопровождалась такой ломкой всего строя жизни, какая по необходимости следовала для учебных заведений духовных. Там для учащихся жизнь вне учебного общежития давно была налажена. <...> Здесь же были совершенно незнакомые в огромном большинстве с жизнью в чужом доме дети»¹⁷.

Война вызвала подъём патриотических настроений в обществе. Не миновал он и духовные школы. По закону о воинской повинности воспитанники духовных семинарий освобождались от призыва в армию, однако многие из них выразили желание пойти на фронт добровольцами. Святейший Синод пошёл навстречу этим пожеланиям. Своим Определением от 19-29 ноября 1914 г. он постановил, что воспитанники шестого (выпускного) класса, выразившие желание поступить на военную службу, имеют право держать экзамены за шестой класс во второй половине января. В Определении, однако, указывалось, «чтобы экзамены производились в обычном полном объёме и чтобы к ним допускались лишь те воспитанники, которые могли представить письменное согласие своих родителей на поступление на военную службу и были признаны пригодными к ней по медицинскому освидетельствованию, причём не выдержавшие экзамены в январе могли быть допущены к экзаменам и весной, наравне с прочими учениками своего класса»¹⁸. В том же месяце Святейший Синод издал Определение о том, что «воспитанники, отправляющиеся с разрешения подлежащего начальства и согласия своих родителей на войну добровольцами, принимаются обратно в те же классы, в коих они обучались, без экзамена, а в следующие — по экзамену»¹⁹. Определением от 3-4 марта 1915 г. Святейший Синод разрешил, по ходатайству воспитанников шестого класса Новгородской духовной семинарии, учащимся шестого класса всех семинарий, желающим поступить в военные училища, где приём происходил с 1 июня, сдавать выпускные экзамены весной, ранее обычного срока²⁰. Однако Синод не разрешил

17 Рункевич С. Г. Указ. соч. С. 244.

18 Там же. С. 256.

19 Там же. С. 255.

20 Там же. С. 255-256.

сдавать экзамены досрочно отправлявшимся на войну добровольцами воспитанникам пятого, четвёртого и других низших классов²¹. Всего, согласно отчёту обер-прокурора Синода, в течение 1914/1915 учебного года поступили из числа воспитанников духовных семинарий добровольцами в действующую армию свыше 200 человек, а в военные учебные заведения — свыше 300²². Среди них был и Александр Михайлович Василевский, в то время воспитанник Костромской духовной семинарии, а впоследствии знаменитый полководец, маршал Советского Союза. «После объявления войны меня обуревали патриотические чувства, — вспоминает он в своей книге «Дело всей жизни». — Лозунги о защите Отечества захватили меня. Поэтому я, неожиданно для себя и для родных, стал военным... Мы с несколькими одноклассниками попросили разрешения держать выпускные экзамены экстерном, чтобы затем отправиться в армию. Наша просьба была удовлетворена, и в январе 1915 года нас отправили в распоряжение Костромского воинского начальника, а в феврале мы были уже в Москве, в Алексеевском военном училище»²³.

Многие воспитанники духовных семинарий, ушедшие на войну добровольцами, проявили на полях сражений воинскую доблесть. Так, по сообщениям «Церковного вестника», пал смертью храбрых бывший воспитанник Орловской духовной семинарии прапорщик К. А. Апполонов. Другой бывший ученик этой семинарии, прапорщик К. Е. Введенский, попал в плен, будучи тяжело раненым²⁴. Харьковская духовная семинария получила известие о героической гибели в бою бывшего её воспитанника, прапорщика Б. Н. Липского. Имя героя решено было занести, по начавшей складываться в те годы в семинариях традиции, на мраморную доску. Героями проявили себя и ушедшие на войну добровольцами из Воронежской семинарии В. Голубятников, Д. Олимпиев, Н. Фёдоров и Харитонов. Виктор Голубятников был за свои подвиги награждён Георгиевским крестом и серебряной медалью на Георгиевской ленте²⁵. Георгиевскими кавалерами стали также Фёдоров и Харитонов. В «Церковном вестнике» был помещён отрывок из письма отцу погибшего на фронте Дмитрия Олимпиева, написанного ротным командиром. «Ваш Дмитрий, — говорится в письме, — убит пулею, находясь в полевом карауле... Я с чувством любви и уважения к доблести Вашего покойного

21 Рункевич С. Г. Указ. соч. С. 256.

22 Там же. С. 84.

23 Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1975. С. 4.

24 Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1915. № 36. С. 1108.

25 Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1915. № 18. С. 543.

сына до сих пор не могу помириться с утратой, которую понесла наша военная семья — рота. Сын Ваш участвовал со мною во всех боях, всегда был первым охотником на всякую опасность. Все мы одинаково скорбим о потере. <...> Я счастлив перед Вами — отцом скромного героя — за свидетельствовать его беззаветную храбрость и безропотно перенесённые невзгоды тяжёлой войны. Похоронен сын Ваш на кладбище у села Лысакова Цехановского уезда. На могиле поставлен крест»²⁶.

На полях сражений Первой мировой войны многочисленные примеры героизма, любви к Родине и ближним, христианской жертвенности были проявлены священнослужителями Русской армии и флота, большинство из которых являлось выпускниками духовных семинарий.

Чувства патриотизма и христианской сострадательности преподавателей и учащихся духовных школ отразились в деле создания, по инициативе ректора в то время ещё Санкт-Петербургской духовной академии епископа Ямбургского Анастасия (Александрова)²⁷, Комитета Красного Креста духовных учебных заведений. Создание Комитета было утверждено Определением Святейшего Синода от 18 августа 1914 г.²⁸ Председателем его стал архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский; впоследствии Патриарх), а заместителем — епископ Анастасий (Александров). Новая организация объединила все духовные учебные заведения с целью организации собственной помощи для больных и раненых воинов. Необходимые для этого денежные средства получались путём отчисления определённых процентов из жалования преподавательского персонала Духовных школ. Самое активное участие в этом деле приняли преподаватели духовных семинарий. Некоторые из них не только перечисляли на счёт Комитета процентные отчисления от своего жалования, но также жертвовали крупные денежные суммы и ценные вещи. Учащиеся тоже вносили свой посильный вклад в это дело. Всего, только с 1 сентября 1914 по 1 сентября 1915 года, в Комитет поступило 162 391 рубль 21 копейка, в том числе 150 760 рублей 94 копейки было пожертвовано преподавателями и учащимися²⁹.

В сентябре 1914 г. Комитет Красного Креста духовных учебных заведений открыл в здании Минской духовной семинарии лазарет во имя преподобного Серафима Саровского. Имя этого святого было избрано для лазарета потому, что объявление Германией войны России

26 Духовная и церковная школа // Церковный Вестник. 1915. № 34. С. 1042.

27 18 августа (по старому стилю) 1914 года Санкт-Петербург был переименован в Петроград.

28 Обзор деятельности Духовного Ведомства за 1915 г. Петроград, 1917. С. 80.

29 Там же. С. 80, 82.

совпало с днём праздника его прославления. Первоначально лазарет предполагалось разместить в здании Литовской духовной семинарии, но оно было уже занято под госпиталь. Архиепископ Литовский святитель Тихон (Белавин; впоследствии Патриарх) выразил готовность передать под размещение Серафимовского лазарета свой городской дом в Вильно, а игуменья Красностоцкого монастыря Елена предложила для этой цели здание церковно-учительной школы в своём монастыре. Ректор Минской духовной семинарии протоиерей Язвицкий известил, что семинария, без ущерба для учебного процесса, может поместить лазарет в 100 кроватей, и, если возникнет необходимость, предоставить дополнительно часть квартир служащих. Поэтому решено было поместить Серафимовский лазарет в здании Минской духовной семинарии. 17 сентября 1914 г. епископом Минским Митрофаном (Краснопольским) он был освящён. В лазарете было размещено сначала 50, а затем 100 кроватей для раненых, а также операционная, перевязочная, аптека, кладовая, ванная комната, помещение для врачей, сестёр милосердия, санитаров. Руководство лазарета и семинарии проявляло заботу о духовной жизни раненых. Так, 2 января 1915 г. в праздник преподобного Серафима причастились Святых Таин 73 раненых. Обращалось внимание и на организацию их досуга: в частности, были устроены чтение с туманными картинами и концерт³⁰.

В феврале 1915 г. Комитетом Красного Креста духовных учебных заведений был организован второй Серафимовский лазарет, который стал действовать на Кавказском фронте. В марте того же года оба лазарета были переданы в ведение Главного управления Красного Креста, с обязательством ежемесячно вносить на их содержание по 5 000 руб. К маю был сформирован передвижной перевязочный отряд, также во имя преподобного Серафима, который успешно начал действовать на передовых позициях³¹.

Кроме созданных Комитетом Красного Креста духовных учебных заведений двух лазаретов и перевязочного отряда, в ряде духовных школ были открыты собственные лазареты, в том числе в девяти семинариях: Вологодской, Могилевской, Московской, Петроградской, Полтавской, Смоленской, Одесской, Черниговской и Тифлисской. Содержались они на средства преподавателей и учащихся, а лазарет при Одесской семинарии — исключительно на средства учащихся. Во многих семинариях действовали санитарные отряды из воспитанников для переноски раненых

30 Всеподданнейший отчёт обер-прокурора. С. 655.

31 Обзор деятельности Духовного Ведомства за 1915 г. С. 80-81.

с вокзалов, а в некоторых были организованы в каникулярное время «рабочие дружины» для помощи семьям фронтовиков³².

Другой формой, в которой выразился патриотизм воспитанников семинарий, стало устройство досуга для раненых воинов. Семинаристами устраивались вечера и концерты для них как в госпиталях, так и в помещениях семинарий. Так, в Казани посещали госпитали с концертными программами семинарский хор и оркестр семинаристов-балалаечников. 7 и 14 декабря в помещении столовой Казанской духовной семинарии были проведены патриотические вечера. Первый из них состоялся с целью сбора средств для раненых солдат. Вечер начался театральной постановкой. Силами воспитанников была поставлена драматическая хроника А. Н. Островского «Кузьма Захарьин Минин-Сухорук». Затем последовало концертное отделение, в состав которого вошли гимны союзных государств и патриотические песни. Наконец несколько воспитанников выступили с декламацией, двое из них — с патриотическими стихотворениями собственного сочинения. На вечере присутствовали два викарных епископа — Чистопольский, ректор Казанской духовной академии, Анатолий (Грисюк), и Чебоксарский Леонтий (барон фон Вимпфен), — родители и родственники учащихся, преподаватели и воспитанники семинарии. Епископ Леонтий выступил даже «со стихотворением-импровизацией, выразившим общий дух вечера и благодарность его юным участникам»³³. Повторно вечер был проведён уже для самих раненых. 215 человек из числа раненых собрались в семинарскую столовую из разных госпиталей Казани. Вечер почтили своим присутствием епископ Леонтий (фон Вимпфен) и командующий войсками Казанского военного округа.

Учащиеся духовных семинарий принимали также, с разрешения начальства, участие в патриотических манифестациях. При известиях об одержанных победах в семинарских храмах проводились торжественные благодарственные молебны с пением гимна «Тебе, Бога, хвалим». В таких случаях воспитанники, по традиции, также выражали свой патриотизм пением перед портретом Государя Императора гимна «Боже, царя храни».

Война отразилась также на богослужебной жизни духовных семинарий. В Казанской семинарии, по свидетельству М. Бенеманского, «с самого начала учебных занятий к обычным богослужениям семинарского

32 Обзор деятельности Духовного Ведомства за 1915 г. С. 84.

33 Бенеманский М. Переживания военного времени в Казанской Духовной Семинарии. Казань, 1915. С. 12.

храма прибавлялось еженедельное служение в нём по субботам ранних заупокойных литургий по вождям и воинам, за веру, Царя и Отечество живот свой положившим. За этими литургиями присутствуют воспитанники поочерёдно по классам. По всем субботам же пред уроками в храме бывает панихида с присутствием воспитанников всех классов»³⁴.

Несмотря на военное время, начальства многих духовных семинарий старались заботиться о развитии духовных запросов воспитанников. В Харьковской семинарии архиепископом Антонием (Храповицким) было положено в 1915 г. начало практики совершения Божественной Литургии на греческом языке. Чтецами и певцами при этом были воспитанники семинарии. Большинство песнопений исполнялось греческим распевом. «Столь необычное для Харькова событие, — рассказывает корреспонденция в «Церковном Вестнике», — собрало громадное количество молящихся, так что скромный по размерам семинарский храм не мог вместить всех желавших присутствовать на торжестве»³⁵. Возглавлявший богослужение архиепископ Антоний обратился к собравшимся со словом наставления. В своём слове он, в частности, сказал, что «совершённая Божественная Литургия на греческом языке является выражением, а вместе с тем и средством возгревания в нас того “вселенского чувства братства во Христе”, — которое, по заветам Христа и Апостолов, должно быть постоянным настроением истинного христианина»³⁶.

В Тамбовской духовной семинарии, по инициативе архиепископа Кирилла (Смирнова), 18 января 1915 г. состоялся вечер, посвящённый столетнему юбилею со дня рождения епископа Феофана Затворника. На вечере присутствовали почётные гости, депутаты епархиального съезда духовенства и церковные старосты. В программу торжества вошли чтения о святителе Феофане, гимн в его честь, пропетый семинарским хором, прочитанные воспитанниками несколько стихотворений, «рисующих духовных облик Затворника» — «как духовного великана, столпа веры, глашатая и ревнителя истины, возлюбленного отца, наставника и учителя»³⁷.

Не ослабевали в годы войны и интеллектуальные запросы семинаристов. Более ста учащихся Костромской духовной семинарии присутствовали на устроенном в январе 1915 г. в семинарском здании

34 Бенеманский М. Указ. соч. С. 3.

35 Духовная и церковная школа // Церковный Вестник. 1915. № 19. С. 580.

36 Там же. С. 580.

37 Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1915. № 6. С. 179.

диспуте о языке «эсперанто», «который местное эсперантистское общество решило более деятельно распространять для международных сношений на почве науки, литературы, торговли... и тем содействовать скорейшему свержению ига немецкого языка»³⁸.

Несмотря на то, что учебный процесс в духовных семинариях подвергся во время войны значительному расстройству, 1914/1915 и 1915/1916 учебные годы ознаменовались введением новых учебных программ. Новые программы давно стали настоятельной необходимостью, но их создание и утверждение затянулось на многие годы. С 1914/1915 учебного года введены были в действие утверждённые Святейшим Синодом новые программы по Догматическому богословию, Истории и обличению старообрядчества и сектантства, по Древним языкам, по Обличительному богословию, по Нравственному богословию, по Священному Писанию и по Теории словесности и истории литературы. Со следующего учебного года вошли в употребление новые программы по Гомилетике, по Церковному пению и теории музыки, по Общей Церковной истории и по Истории Русской Церкви.

Принципиально была изменена методика преподавания такого важного предмета, как Священное Писание Ветхого и Нового Завета. Если ранее Священное Писание изучалось почти исключительно по учебникам и учебным пособиям, то в новой программе главное внимание было обращено к изучению самого текста Ветхого и Нового Завета, «особенно тех мест, которые имеют значение в основополагающих вопросах христианского мировоззрения или важны в целях полемики с римо-католиками, протестантами и сектантами». Преподавателям предписывалось располагать учащихся к последовательному чтению книг Священного Писания, чтобы они по меньшей мере один раз в течение семинарского курса успевали бы прочитать всю Библию³⁹.

Новая программа по Догматическому богословию отличалась от предыдущей программы краткостью, достигнутой исключением некоторых подробностей, а также большей сжатостью и точностью изложения. Составителями программы обращено внимание на необходимость указания отступлений от излагаемых истин православной веры католиков и протестантов, с рассмотрением главных оснований для этих отступлений. Это было особенно важно ввиду массовых

38 Духовная и церковная школа // Церковный Вестник. 1915. № 7. С. 213.

39 А. К. Новая программа по Священному Писанию для духовных семинарий // Прибавление к Церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. 1915. № 30. С. 934.

отпадений в римо-католицизм и унию и, отчасти, в протестантизм, происшедших после издания в 1905 г. Манифеста об укреплении начал веротерпимости. Преподавателям рекомендовалось приучать учащихся к самостоятельному мышлению, предлагать для обсуждения в классе богословские вопросы, не предусмотренные программой. Высказывалось также пожелание, «чтобы православно-христианские догматы раскрывались для сознания учащихся не в форме разрозненных определений и положений, но как стройная система, как целостное мирозерцание, соответствующее религиозным потребностям и отвечающее на главные вопросы знания и жизни»⁴⁰.

Когда в 1905 году Учебный Комитет представил Синоду новые учебные программы, то особой программы по Обличительному богословию среди них не было. Предполагалось, что отдельное изучение этой науки для воспитанников духовных семинарий излишне и достаточно знакомства с ней при изучении Церковной истории и Догматического богословия. Однако расширение веротерпимости в Российской империи и усиление римо-католиков и протестантов заставило духовно-учебное начальство уделять Обличительному богословию больше внимания, в связи с чем в 1915 г. в Святейший Синод представлена была особая программа по этому предмету. В новую программу, которая, впрочем, отличалась более кратким объёмом, чем программа 1886 г., были введены дополнительные сведения о старокатоликах, мариавитах и армяно-григорианах⁴¹.

Выработанная к 1915 г. программа по Нравственному богословию распадалась на пять частей: 1) нравственность вообще, 2) извращение грехом нравственной природы человека, 3) восстановление в Иисусе Христе падшего человечества, 4) христианская нравственность в личной жизни и 5) христианская нравственность в жизни семейной и общественной⁴². Христианское нравственное учение рекомендовалось раскрывать на основе Слова Божьего и учения Православной Церкви, с привлечением данных общечеловеческого опыта и выводов науки. Рекомендовалось, если останется на это время, указывать на отличия

40 А. К. Новая программа по Догматическому богословию для Духовных Семинарий // Прибавление к Церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. 1915. № 8. С. 259.

41 А. К. Новая программа по Обличительному богословию для Духовных Семинарий и Училищ. // Прибавление к Церковным Ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. 1915. № 17. С. 612-613.

42 А. К. Новая программа по Нравственному богословию для Духовных Семинарий // Прибавление к Церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. 1915. № 21. С. 655.

православной морали от католической и протестантской и на превосходство православной⁴³.

По проекту 1905 г. изучение грамматики древних языков сосредотачивалось в духовных училищах, а по плану Комиссии 1910 г., принятому за основу программы 1915 г., некоторые части греческой и латинской грамматик должны проходиться и в первом классе духовных семинарий. По этой программе было предусмотрено также чтение в подлиннике и разбор в первом и втором классах семинарии древне-классических, а в третьем и четвёртом — древнехристианских авторов и греческих богослужебных песнопений. Целью преподавания этих языков программа ставила «научение воспитанников свободно и более или менее легко читать и понимать на латинском и греческом языках святоотеческие творения»⁴⁴. Программа предусматривала изменение методики преподавания. Акцент переносился с изучения подробностей грамматических форм и филологических тонкостей на практическое изучение языка.

Значительно изменилась программа Теории словесности и истории литературы. Наблюдателями и специалистами в конце XIX — начале XX вв. часто отмечалось слабое знание учащимися духовных школ родного языка. В новой программе предписывалось знакомить воспитанников с процессом развития языка как живого организма, что в прежних программах совершенно отсутствовало. Этим предполагалось, в частности, привить интерес к довольно скучному предмету. Цели изучения процесса развития языка должно было способствовать объединение в духовных училищах, где закладывались основы изучения русского и церковнославянского языков, двух этих предметов в один курс, под руководством одного преподавателя. Изучение теоретических элементов словесности в семинарии было сокращено. Значительная часть времени, предназначенного для занятий по истории литературы, отводилась для чтения в классах изучаемых произведений. Те же литературные произведения, которые были положены по программе, но не читались в классе из-за нехватки времени, должны были прочитываться учениками самостоятельно, но под контролем преподавателя словесности. К числу наиболее важных задач преподавания был отнесён целесообразный подбор отрывков из произведений для чтения в классах⁴⁵.

43 А. К. Новая программа по Нравственному богословию для Духовных Семинарий. С. 655.

44 А. К. Новая программа по древним языкам для Духовных Семинарий и Училищ // Прибавление к Церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. 1915. № 17. С. 271.

45 Оранский А. И. О новых программах русского языка и словесности для духовно-учебных заведений // Прибавление к Церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. 1915. № 41. С. 2191.

Большая работа была проведена при составлении программы по Общей Церковной истории. В работе над ней приняли участие профессор А. И. Бриллиантов, И. С. Пальмов, Н. И. Сагарда, И. П. Соколов, И. И. Соколов. В новую программу, сокращённую по сравнению с программой 1886 г., был введён в значительно большем объёме патрологический элемент. Преподавателям Общей Церковной истории вменялось в обязанность знакомить учащихся, в связи с проходимыми по программе событиями той или иной эпохи церковной истории, с творениями Святых Отцов, живших в эту эпоху. Программа предписывала давать учащимся для самостоятельного прочтения творения Святых Отцов, а также сочинения на темы, требующие прочтения святоотеческих творений⁴⁶. Было расширено изложение материала по истории славянских Церквей и введены изучение истории Румынской Церкви и целый новый отдел: об отношении России к Православному Востоку. Составители программы постарались дать более отчётливый взгляд на церковную историю Запада и на современное состояние инославия. Свои коррективы в программу внесла и Первая мировая война, а именно в те её части, которые касались истории славянских Церквей и западного христианства. В новой программе появились также разделы, посвящённые богословской науке у протестантов и римо-католиков, где значительное внимание уделялось их трудам по изданию творений святых отцов и памятников древнецерковной литературы, и современной религиозно-практической жизни в римо-католичестве и протестантизме, была освещена проблема воссоединения Церквей⁴⁷.

Старая программа преподавания Истории Русской Церкви в точности соответствовала учебнику профессора П. В. Знаменского. Однако, вместе с общепризнанными высокими достоинствами этого труда, в нём замечались и недостатки — слишком подробная рубрикация и обилие подробностей. Кроме того, в этом учебнике недостаточно освещалась история Русской Церкви в Синодальный период. Поэтому возникла необходимость в разработке новой учебной программы, в которой приняли деятельное участие, в частности, известные специалисты по истории Синодального периода С. Г. Рункевич и Б. В. Титлинов. Прежняя программа делила, вслед за митрополитом Макарием (Булгаковым), историю Русской Церкви на пять периодов. Авторами новой программы была

46 Новая программа по Общей Церковной Истории для Духовных Семинарий // Прибавление к Церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. 1916. № 26. С. 651.

47 Там же.

введена иная периодизация, по Е. Е. Голубинскому, — на три периода: Киевский, Московский и Санкт-Петербургский. Эта периодизация более соответствовала учебным целям, устраняя ненужную дробность и внося естественную последовательность в изложение материала⁴⁸. Программа рекомендовала преподавателям обстоятельно знакомить учащихся с событиями церковной истории родной епархии, с жизнью местных святых и подвижников благочестия, больше внимания уделять святым местам России и памятникам церковной древности.

В новой программе по Истории и обличению старообрядчества и сектанства внимание обращено было на практический характер преподавания. Так, признавалось необходимым излагать заблуждения раскольников и сектантов по первоисточникам. Учащиеся должны были знакомиться с авторитетными в старообрядческих кругах старопечатными богослужебными и иными книгами, с используемыми раскольниками святоотеческими творениями и толкованиями на Священное Писание. В программе указывались творения Святых Отцов и учителей Церкви, излагающие православное учение по вопросам, по которым старообрядцы имеют неправильные мнения. Для выработки в учащихся качеств, необходимых для успеха миссионерской деятельности, вводилась практика подготовки и защиты рефератов. Наконец, программа предусматривала создание в семинарских библиотеках особых отделов противораскольнической и противосектантской литературы. Преподавателям разрешалось вносить, с благословения правящих архиереев, в программу некоторые изменения, соображаясь с местными миссионерскими задачами⁴⁹.

Составители программы по Гомилетике также руководствовались принципом превосходства в процессе обучения практики над теорией. Вместо изучения теории церковного красноречия акцент был сделан на составление самостоятельных проповедей и на произнесение их в классе и с церковной кафедры. При выборе тем преподавателям предписывалось брать преимущественно темы апологетического и миссионерского характера⁵⁰.

48 Новая программа по Истории Русской Церкви для Духовных Семинарий // Прибавление к Церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. 1916. № 30. С. 753.

49 См.: А. К. Новая программа по Истории и обличению старообрядчества и сектанства для Духовных Семинарий // Прибавление к Церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. 1915. № 15. С. 499-501.

50 *Оранский А. И.* О новых программах: 1) по церковному проповедничеству (гомилетике) для духовных семинарий; 2) Церковному пению и теории музыки для духовных семинарий и мужских духовных училищ // Прибавление к Церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. 1916. № 21. С. 528.

Новый курс Церковного пения в духовных семинариях должен был, по замыслам составителей программы, органично вырастать из основы, заложенной в духовных училищах. В училищах воспитанникам полагалось выучить на память важнейшие песнопения церковного богослужбного круга и обучиться началам нотной грамоты. В семинариях учащиеся должны были «сознательно относиться к усвоенным раньше основным церковным напевам, понимать их техническое устройство, состав и характер»⁵¹. Прямой обязанностью прошедших курс духовной школы признавалось: «не допускать употребления при хоровом пении всякого рода тёмных, рукописных, не цензурированных нотных книг, обычно обличающих... отсутствие здорового музыкального вкуса и знакомства с церковно-музыкальной литературой». Особое внимание программой уделялось изучению знаменного распева. Учащиеся должны были также познакомиться с методикой преподавания церковного пения в церковно-приходских школах.

Отрадным явлением в эти тяжёлые годы стало открытие новых духовных учебных заведений. Определением Святейшего Синода от 25 августа — 4 сентября 1915 г. в Тверской епархии была открыта вторая духовная семинария — в городе Кашине. Параллельные отделения двух младших классов Тверской семинарии уже существовали в Кашине. Необходимость открытия в епархии второй семинарии объяснялась многолюдством Тверской семинарии. В 1914/1915 учебном году она была самой крупной и насчитывала 883 воспитанника. Из них 80 человек обучались в параллельных отделениях в городе Кашине⁵².

В 1916 г. состоялось открытие духовной семинарии в городе Екатеринбурге. Екатеринбургская епархия была учреждена в 1885 г., однако собственной семинарии в ней не было. Это обстоятельство существенно отражалось на уровне образования местного духовенства. Даже среди священников было много лиц, окончивших лишь духовное училище, а то и вовсе не имеющих никакого образования. Поэтому съезд духовенства епархии принял решение ходатайствовать об открытии в Екатеринбурге духовной семинарии. Это решение было с энтузиазмом встречено в кругах купечества и интеллигенции. В 1912 г. состоялось открытие при Екатеринбургском духовном училище параллельных отделений 1-го и 2-го класса Пермской семинарии. Затем были открыты параллельные отделения 3-го и 4-го классов. Наконец,

51 *Оранский А. И.* О новых программах: 1) по церковному проповедничеству (гомилетике) для духовных семинарий; 2) Церковному пению и теории музыки для духовных семинарий и мужских духовных училищ // Прибавление к Церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. 1916. № 21. С. 529

52 Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1915. № 6. С. 178.

в 1916 г. Святейший Синод своим Определением постановил образовать на базе параллельных отделений Пермской духовной семинарии самостоятельную Екатеринбургскую семинарию.

Возник также вопрос об открытии второй семинарии в Рязанской епархии. Ходатайствовать об этом постановил проходивший в 1915 г. съезд духовенства епархии, который послал с этой целью в Петроград своих делегатов. На 1914/1915 учебный год в Рязанской духовной семинарии насчитывалось 779 учащихся. Перед началом этого года она не смогла, по причине перегруженности, принять в 1-й класс 40 человек, рекомендованных духовными училищами.

План открытия новой семинарии (предполагалось, что она будет размещена также в Рязани) встретил сочувствие у председателя Учебного Комитета архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского; впоследствии Патриарха). Однако, ввиду военного времени, скорое открытие второй семинарии в Рязани не было признано возможным. Дело ограничилось созданием дополнительного параллельного отделения 1-го класса⁵³.

Архиепископом Волынским Евлогием (Георгиевским) был поднят вопрос об открытии специальной духовной семинарии для подготовки священников и учителей в занятой русскими войсками в конце 1914 — начале 1915 года Галиции. Предполагалось, что она будет размещена в одном из городов завоёванного края⁵⁴. Однако оставление русской армией в ходе боевых действий 1915 г. Галиции сняло этот вопрос с повестки дня. В это время в русских духовных семинариях появилось немало воспитанников из уроженцев Галиции.

В 1914 г. было основано учебное заведение нового типа — Пастырско-миссионерская семинария при Григориево-Бизюковом монастыре Херсонской епархии. Мысль об учреждении этой семинарии родилась у архиепископа Херсонского Димитрия (Ковальницкого). За год до своей смерти, последовавшей в 1913 г., он выработал план семинарского здания и начал постройку его на земле Григориево-Бизюкова монастыря. Монастырь выделил и необходимые средства в размере 300 000 рублей.

Дело своего предшественника продолжил архиепископ Херсонский Назарий (Кириллов), под руководством которого были выработаны «Положение о пастырско-миссионерской Семинарии» и учебные программы. После рассмотрения Учебным комитетом они были утверждены Святейшим Синодом.

53 Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1915. № 6. С. 178.

54 Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1915. № 16. С. 487.

Своим Определением от 29 января 1914 г. Святейший Синод постановил: «Разрешить преосвященному Херсонскому открыть с начала 1914-1915 учебного года при Григориево-Бизюковом монастыре Пастырско-миссионерскую Семинарию, с тем, чтобы содержание Семинарии, впредь до испрошения в законодательном порядке пособия из Государственного Казначейства на содержание личного состава служащих в Семинарии, было отнесено на счёт Бизюкова монастыря»⁵⁵.

Согласно «Положению», в семинарию принимались лица не старше 18 лет из числа окончивших три класса духовных семинарий, церковно-учительские школы, учительские семинарии или дополнительные двухгодичные курсы при двухклассных школах. Также в семинарию принимались диаконы и псаломщики, прослужившие в Церкви не менее пяти лет и имеющие свидетельство на звание учителя церковно-приходской школы. Курс обучения трёхлетний и бесплатный. В каждом классе по штату полагалось 40 учащихся. 100 учащихся могли пользоваться общежитием бесплатно, а остальные — за годовую плату в размере от 100 до 150 рублей.

В программу обучения входили науки исключительно богословские и миссионерские: Священное Писание, Догматическое, Нравственное, Пастырское и Обличительное богословие, Общая Церковная история, Патрология, История миссии, Проповедничество, Литургика, Церковная археология, Каноническое право, Церковная география, История и обличение старообрядчества и сектантства, Церковное чтение и пение. Кроме этого, в семинарии проходились на практике столярное и переплётное ремёсла и сельское хозяйство (плодоводство, садоводство, огородничество, пчеловодство, земледелие). Летом на каникулы отпускался лишь младший класс, а два старших оставались при семинарии для практических занятий по сельскому хозяйству и ознакомлению с миссионерским делом.

Учебные программы, в целом, соответствовали применяемым в семинариях, но трёхлетний курс обучения одним только богословским и миссионерским предметам позволял усвоить их значительно обстоятельнее и глубже. Важной особенностью было то, что существовали самостоятельные кафедры по таким предметам, как Пастырское богословие, Патрология, История миссии, Церковная археология, Каноническое право. Большое внимание обращалось на письменные работы учащихся, которые признавались как «лучший способ приучения к самостоятельному мышлению и ознакомлению с литературой

55 Обзор деятельности Духовного Ведомства за 1915 г. Пг., 1917. С. 127.

предмета»⁵⁶. При семинарии были открыты фундаментальная библиотека, ученическая библиотека и особая читальня, в которую выписывались все лучшие духовные журналы и газеты и некоторые светские.

Особое внимание в пастырско-миссионерской семинарии уделялось воспитанию учащихся «в духе строгой подготовки к пастырско-миссионерскому служению»⁵⁷. Для этого в семинарии ежедневно совершался весь установленный церковным Уставом суточный круг богослужений. Все воспитанники были разделены на четыре группы, которые по очереди участвовали в богослужениях. Вечернее богослужение начиналось в четыре часа и состояло из вечерни с повечерием, а утреннее — в пять часов утра и включало полунощницу и утреню. К семи часам в храм приходили остальные воспитанники и читались утренние молитвы, после них совершалась Божественная Литургия, присутствие на которой было для всех обязательным.

Ректором семинарии при Григориево-Бизюковом монастыре состоял наместник настоятеля этого монастыря архимандрит Арсений (Чаговец). Это был известный миссионер, много потрудившийся в Северной Америке, сподвижник святителя Тихона (Белавина) и святого праведного Алексия (Товта). Впоследствии, будучи в эмиграции, он станет епископом Канадским. Владыку Арсения прозовут «канадским Златоустом». В конце жизни, управляя в сане архиепископа Свято-Тихоновским монастырем в США, он создаст при нём пастырскую школу, впоследствии преобразованную в Свято-Тихоновскую семинарию. В Канаде архиепископ Арсений (Чаговец) почитается как местночтимый святой.

Инспектор пастырско-миссионерской семинарии при Григориево-Бизюковом монастыре, а также большая часть преподавателей являлись монашествующими. Среди преподавателей был иеромонах Павлин (Крошечкин) и Онуфрий (Гагалюк), впоследствии видные церковные иерархи, священномученики. С 26 декабря 1916 г. начальником пастырско-миссионерской семинарии при Григориево-Бизюковом монастыре состоял Парфений (Брянских), впоследствии епископ Ананьевский, священномученик.

Согласно Отчёту обер-прокурора Святейшего Синода за 1915 г., в 1914/1915 учебном году среди воспитанников первого класса новой семинарии было только пять человек из духовного звания. Остальные происходили из крестьян, причём не только Херсонской губернии, но и других: Подольской, Волынской, Екатеринославской, Бессарабской, Киевской, Воронежской, Черниговской, Казанской, Тамбовской

56 Обзор деятельности Духовного Ведомства за 1915 г. С. 129-130.

57 Там же. С. 130.

и области войска Донского. «Поэтому, — указывалось в Отчёте, — можно судить, насколько новая семинария отвечает нужде народной и современным запросам в религиозно-церковном образовании»⁵⁸.

Пастырско-миссионерская семинария в Григорие-Бизюковом монастыре рассматривалась в кругах учёного монашества как образец будущих школ для подготовки пастырей.

Начиная с 1911 г., ввиду того что Церковь испытывала недостаток кадров священнослужителей, а многие выпускники духовных семинарий уклонялись от принятия священного сана, стали учреждаться особые богословские школы для подготовки кандидатов священства. Первая такая школа под названием «училище пастырства» открылась, по инициативе архиепископа Антония (Храповицкого), при Житомирском Богоявленском монастыре. Затем были открыты «пастырско-миссионерское училище» в Перми в 1911 г. и «пастырско-миссионерские двухгодичные курсы» в Оренбурге в 1912 г. В 1914 г. в Екатеринославле открылось училище пастырства — четвёртое учебное заведение этого типа⁵⁹. Их деятельность уже приносила свои плоды. Так, по информации «Церковного Вестника», в 1915 г. в Оренбургской пастырско-миссионерской школе уже окончили курс 15 воспитанников, из которых 11 были рукоположены в иерейский сан с назначением на приходы преимущественно в Тургайскую область⁶⁰.

К началу Первой мировой войны в России существовало 58 православных духовных семинарий. В то же время не был решён вопрос нехватки кадров священнослужителей. Поэтому решено было допустить с 1914/1915 учебного года до слушания лекций по богословским предметам в семинариях, помимо семинаристов, также и посторонних лиц. В Определении Святейшего Синода по этому вопросу от 18 января — 10 февраля 1914 г. говорилось:

«Предоставить епархиальным преосвященным, в виде временной меры, вплоть до полного преобразования духовно-учебных заведений, разрешить Правлениям духовных семинарий, в целях подготовки к пастырскому служению, принимать на свободные вакансии, в качестве слушателей для изучения богословских предметов, в 5 и 6 классы семинарий: диаконов, псаломщиков, учителей церковно-приходских и других начальных школ, а также вообще благонадёжных к прохождению духовной службы лиц»⁶¹.

58 Обзор деятельности Духовного Ведомства за 1915 г. Пг., 1917. С. 129.

59 Там же. С. 46.

60 Духовная и церковная школа // Церковный Вестник. 1915. № 20. С. 608.

61 Определения Святейшего Синода // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. 1915. № 9. С. 65-66.

Согласно этому же Определению, до слушания лекций по богословским предметам в духовных семинариях допускались диаконы, прослужившие не менее трёх лет и имеющие одобрительные свидетельства от благочинных, псаломщики с такими же свидетельствами и светские лица не моложе 22 лет. Последние были обязаны предоставить свидетельство из полиции о политической благонадёжности.

Духовные и светские лица, имеющие свидетельство об окончании полного курса средних учебных заведений или церковно-учительских школ, а также окончившие ранее первые четыре класса духовных семинарий, допускались к слушанию богословских предметов без экзаменов. Все остальные были обязаны сдать экзамены по следующей программе:

Православный Катехизис;

Учение о богослужении (в объёме программ двухклассных церковно-приходских школ);

Церковное пение (в таком же объёме);

Церковно-славянское чтение с переводом на русский язык наиболее часто употребляемых в церковном богослужении молитв и песнопений;

Краткое изложение книг Ветхого Завета с общими сведениями о каждой книге (по программе дополнительного двухгодичного курса при двухклассных школах);

Общая церковная история в связи с гражданской историей (в таком же объёме);

Сочинение на тему религиозно-нравственного характера (с обращением внимания на правописание)⁶².

В случае неудовлетворительной сдачи экзаменов не сдавшие их лица допускались к сдаче на следующий год, но в общей сложности позволялось делать не более трёх попыток.

Слушателям, как правило, не предоставлялось мест в общежитиях. Тем не менее они должны были подчиняться требованиям, предъявляемым к семинарским воспитанникам в отношении дисциплинарного порядка, посещения богослужений и уроков, написания сочинений и проповедей, занятий в образцовой школе, сдачи экзаменов по богословским предметам. После окончания шестого класса лица, прослушавшие курс богословских предметов, получали соответствующее удостоверение, которое, впрочем, не давало прав, которые полагались по Уставу духовной семинарии лицам, окончившим полный семинарский курс⁶³.

62 Определение Святейшего Синода // Церковные ведомости. 1915. № 9. С. 66..

63 Там же. С. 67.

По сведениям Учебного Комитета, на 1914/1915 учебный год во всех духовных семинариях состояло 212 вольнослушателей. Наибольшее число их было в Черниговской (25), Волынской (18), Могилевской (17) и Минской (14) семинариях.

30 сентября 1916 г. Святейший Синод вынес Определение об открытии в Москве с 1 ноября того же года пастырских курсов со сроком обучения не менее 9 месяцев и с составом слушателей до 82 человек⁶⁴. Предполагалось, что выпускники этих курсов получают назначения на священнические места в Сибири. Принятое решение не было исполнено, так как всего лишь месяц спустя Синод принял Постановление: «Московские пастырские курсы в 1916/1917 учебном году не открывать»⁶⁵. Это было связано с тем, что, по полученным сведениям, число вольнослушателей в семинариях оказалось достаточно велико, чтобы можно было заполнить ими на первое время вакансии в Сибири, и открытие пастырских курсов в затруднительное военное время признано было излишним. Вместе с тем Святейший Синод нашёл необходимым развивать сеть училищ пастырства и постановил Определением от 12-27 октября 1916 г.: «Внести проект штата трёхгодичных училищ пастырства о положении, о правах и преимуществах училищ пастырства; представить на Высочайшее утверждение проект Устава сих училищ»⁶⁶.

Бурные революционные события, начавшиеся в феврале 1917 г., нарушили все существовавшие планы.

Библиография

- А. К. Новая программа по Догматическому богословию для Духовных Семинарий // Прибавление к Церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. 1915. № 8. С. 258-259.
- А. К. Новая программа по Истории и обличению старообрядчества и сектантства для Духовных Семинарий // Прибавление к Церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. 1915. № 15. С. 499-501.
- А. К. Новая программа по древним языкам для Духовных Семинарий и Училищ // Прибавление к Церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. 1915. № 17. С. 270-271.
- А. К. Новая программа по Обличительному богословию для Духовных Семинарий и Училищ // Прибавление к Церковным Ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. 1915. № 17. С. 612-613.

64 Духовная и церковная школа // Церковный Вестник. 1915. № 20. С. 608.

65 Там же. С. 608.

66 Духовная и церковная школа // Церковный Вестник. 1915. № 20. С. 608.

- А. К. Новая программа по Нравственному богословию для Духовных Семинарий // Прибавление к Церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. 1915. № 21. С. 654-655.
- А. К. Новая программа по Священному Писанию для Духовных Семинарий // Прибавление к Церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. 1915. № 30. С. 933-934.
- Бенеманский М.* Переживания военного времени в Казанской Духовной Семинарии. Казань: Централ. тип., 1915. 13 с.
- Василевский А. М.* Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1975. 607 с.
- Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода по Ведомству Православного исповедания за 1914 год. Пг.: Синод. тип., 1916. 144 с.
- Демьянович Н., прот.* История православия на Холмщине: 1768-1917 гг. Т. 2. [Машинопись]. Чебоксары, 1970.
- Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1915. № 6. С. 177-179.
- Духовная и церковная школа // Церковный Вестник. 1915. № 7. С. 211-214.
- Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1915. № 15. С. 1041-1044.
- Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1915. № 16. С. 483-488.
- Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1915. № 18. С. 543-546.
- Духовная и церковная школа // Церковный Вестник. 1915. № 19. С. 576-581.
- Духовная и церковная школа // Церковный Вестник. 1915. № 20. С. 606-608.
- Духовная и церковная школа // Церковный Вестник. 1915. № 34. С. 1041-1044.
- Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1915. № 36. С. 1107-1109.
- Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1915. № 37. С. 1136-1138.
- Новая программа по Общей Церковной Истории для Духовных Семинарий // Прибавление к Церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. 1916. № 26. С. 647-651.
- Новая программа по Истории Русской Церкви для Духовных Семинарий // Прибавление к Церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. 1916. № 30. С. 752-753.
- Обзор деятельности Духовного Ведомства за 1915 г. Петроград: Синод. тип., 1917. 145 с.
- Определение Святейшего Синода от 10 сентября 1914 года // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. 1914. № 37. С. 430-431.
- Определения Святейшего Синода. // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. 1915. № 9. С. 61-68.
- Оранский А. И.* О новых программах русского языка и словесности для духовно-учебных заведений // Прибавление к Церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. 1915. № 41. С. 2190-2191.
- Оранский А. И.* О новых программах: 1) по церковному проповедничеству (гомилетике) для Духовных Семинарий; 2) Церковному пению и теории музыки для Духовных

- Семинарий и мужских Духовных Училищ // Прибавление к Церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. 1916. № 21. С. 528-529.
- Рункевич С. Г.* Великая Отечественная Война и Церковная жизнь. Кн. 1: Распоряжения и действия Святейшего Синода в 1914-1915 гг. Петроград, 1916. 357 с.
- Учреждения Духовного Ведомства в оказании помощи раненым и больным воинам и их семьям: Серафимовский лазарет Духовных учебных заведений под Августейшим покровительством великой княжны Татианы Николаевны // Прибавление к Церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. 1915. № 21. С. 655-656.
- Чаркин М., свящ.* Орловская епархия в 1818-1918 гг. [Машинопись]. Загорск, 1968. 279 с.
- Чуков Н. К., прот.* Мои воспоминания. Ч. 4: Ректура в Олонецкой Духовной Семинарии. Саратов, 1937.